

Священник Виталий Головатенко

Человек — царь или убийца?

Письмо читателя и комментарий священника

Здравствуйте, уважаемая редакция!

Месяца два назад решил я приобрести щенка или котенка: думал, займу им сына – у нас с женой появится больше свободного времени. Приехав на выходные к матери в поселок Мызино, узнал, что неподалеку в деревне Каменка одна хозяйка раздает новорожденных котят бесплатно, не раздумывая сел на свой "Урал" и помчался туда.

- Эх, – покачала головой хозяйка, – приехал бы вчера, я б тебе на выбор пятерых предложила. А теперь только один остался: хотела внучке подарить, да она отказалась...

Мы прошли в маленькую комнату, и в углу, в куче тряпья, я увидел кошачье семейство.

- Ну-ка, отойди, – отшвырнула бабка кошку и, взяв котенка за шкуру, плюхнула его в мой вещмешок. – Только поторопись, сейчас наверняка Сонька взбесится, – добавила она, кивнув на насторожившуюся "мамашу".

- Правда? – улыбнулся я. – Тогда вы ее поддержите.

Выйдя во двор, я погрузил поклажу в коляску и покатил восвояси. Но когда въехал на холм и обернулся, чтоб окинуть взглядом красоту полей, увидел, что мотоцикл стремительно догоняет старухина кошка.

"Все-таки вырвалась, – подумал я, и меня охватил азарт. – Ну, держись!"

И я поддал газу, подняв позади себя столб пыли...

Увидев, как мой Пашка взвизгнул от восторга, вытащив из вещмешка живую игрушку, я просиял от радости... Теперь он часами возился с котенком, а мы с Ниной могли спокойно заняться огородом и, искупавшись в озере, полежать под ветвистым дубом, глядя на убегающие вдаль облака.

Выходные кончились, мы поехали домой, в город. Дорога шда через Каменку. Но километров за шесть до нее мы заметили впереди небольшой бугорок. Приблизившись, я заглушил мотор. На краю

дороги уткнувшись мордой в пыль лежала бабкина Сонька. По ее шерсти ползали муравьи и мухи.

Я все рассказал жене, и мы решили закопать бедное животное. Взяв лопату, я отошел от дороги к оврагу, и вскоре яма была готова. Бросив туда труп, я засыпал его землей, и мы поехали дальше. Проезжая мимо Каменки, решили на минуту заскочить к хозяйке, чтобы сообщить ей о кошке.

- Да пес с ней, – махнула рукой бабка, – чумных держать – спасу нет. Я, когда четверых ее пострелят стала в корзину класть, она, паразитка, меня так за палец тяпнула, что до сих пор болит.

- Почуяла, что другим отдаете?

- Что топить несусь. Да кому они нужны? И ведь дверь снаружи заперла, так она мне, гадина, всю обшивку изодрала... Потом целую ночь где-то шлялась, а наутро явилась вся в грязи, в тине и шашь по половикам! Стирки после нее было – чуть Богу душу не отдала.

Мы вернулись домой, жизнь пошла своим чередом – работа, друзья-приятели, по вечерам уроки с сыном. Только было как-то не по себе. Такая тоска нахлынула – хоть волком вой! Однажды после получки зашел в "Рюмочную", хотя до этого почти не пил.

"С ума спятил? – уговаривал я сам себя. – Из-за облезлой твари?"

Как-то, возвращаясь с работы, специально завернул в книжный магазин – полистать учебник зоологии и вычитал: поступками животных руководят инстинкты. "Значит, она мчалась за котенком неосознанно, – заключил я. – Мы ведь тоже испытываем, чувство голода или жажды совершенно произвольно". Это меня немного успокоило. Но однажды увидел, как жена ласкает только что вымытого Павлика, целует его, расчесывая мокрые волосы, как глаза ее сияют бесконечным счастьем, – и у меня снова защемило в груди.

Бедная Соня тоже носила под сердцем своих малышек... Они родились беспомощные, голодные, неумело тыкались мордочками в ее соски. И она по очереди заботливо их облизывала, согревала своим теплом, оберегала их сон... Она не понимала и не хотела понимать, почему ее котята не имели права жить. Даже чувствуя, что ничего не в силах изменить, она отчаянно вцепилась в руку своей хозяйки, взявшей на себя роль судьбы... Она грызла запертую дверь, слыша удаляющийся жалобный писк своих детенышей. Ночью звала их, бегая взад-вперед по берегу; и, даже несмотря на природное отвращение к воде, кинулась в нее – спасать. А вернувшись домой изнемогшая и опустошенная, бросилась в угол к своему последнему детенышу. Когда же и его отняли, она бежала за ним до тех пор, пока не отказало сердце...

Все это так ясно предстало перед моими глазами, что я до сих пор не пойму, как я мог такое сотворить. Но одно могу сказать совершенно

точно: вернуть душевное спокойствие мне поможет только забота о нашей двухмесячной кошечке, которая сладко посапывает сейчас, свернувшись клубочком, и надежда на то, что Господь со временем подарит ей малюток, и я смогу сделать все, чтобы она ощутила то, что не успела почувствовать ее несчастная мать. А иначе что толку, что однажды, остановившись в поле по пути в Мызино, я просил у загубленной мною души прощения? Ведь в ответ я услышал только завывание ветра...

Владимир Кузин,
г. Владимир

Священник Виталий ГОЛОВАТЕНКО, настоятель храма во имя Рождества Пресвятой Богородицы при Санкт-Петербургской консерватории.

Болит рука, болит голова, болит сердце... И мы невольно стараемся унять эту боль, потому что она мешает нам трудиться, отдыхать, радоваться. Мы торопимся прогнать боль как нечто чуждое. Это нормально и естественно для человека. Но есть у боли и другая сторона: если какой-то орган болит, значит он жив. И если еще болит моя душа, значит, она тоже не еще умерла!

Удивительно, как Бог дает нам возможность преобразовать зло в несомненное добро. Так, душевная боль может вызвать чувство сострадания, соболезнования к другому (любопытно, что слово "соболезнование" переводится на греческий как *sym-patheia*, то есть симпатия). Но такое преобразование не происходит автоматически: Творец уважает нашу свободу. От своей боли можно ведь и озлобиться, замкнуться, а можно откликнуться на чужую боль, пусть даже боль животного...

Любой человек, имеющий животное, может многое рассказать о своем любимце, например, о том, с какой искренней и неподдельной радостью встречает он вернувшегося домой хозяина, задолго чувствуя его приближение. Часто можно услышать фразу, что домашние животные преданнее, чем многие люди, ведь они не разлюбят, не предадут, не уйдут к другому... Животное привязано к человеку не за что-то, а просто так. А чем платит человек за такую преданность и любовь к себе?

Беззащитность и безответность. Эти две характеристики животного мира по отношению к миру человеческому для меня всегда были определяющими. Как бы ни был силен и хитер любой хищник, человек, имея оружие, изобретая все более совершенные способы поимки и убийства, всегда окажется сильнее, хитрее и коварнее. А значит, зверь всегда беззащитен перед жестоким "царем природы". И как бы животное ни защищалось от жестокости человека, как бы ему ни хотелось постоять за себя и своих детенышей, с той же силой и

хитростью зверь человеку ответить не может. Все равно это будет не честный поединок равных, а подлое убийство или позорное избиение более сильным менее сильного.

А действительно, лежит ли на человеке ответственность за "братьев наших меньших"? Или это всего лишь красивая метафора, которой мы обязаны поэтическому таланту Есенина? Мы привыкли, что христианство говорит в основном о человеке, о его преображении, спасении, а животный мир, вроде бы, оставляет в стороне. На первый взгляд, это как бы не входит в сферу интересов Церкви. Но так ли это на самом деле?

Уже в первых строках Библии, после рассказа о сотворении мира и его обитателей, дана исчерпывающая характеристика отношений человека и животных. "И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему [и] по подобию Нашему, и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, [и над зверями,] и над скотом, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле". (Бытие, глава 1, стих 26).

Далее происходит еще более поразительное событие, которое, к сожалению, остается практически незамеченным и непонятым современным читателем Священного Писания. Бог приводит к человеку всех живых существ и предлагает назвать их. Почему же Творец всего Сам не дал имена Своим "произведениям"? Дело в том, что наречение имени – это символ обладания и господства на том, чему ты даешь имя. Не столько внешнего, сколько внутреннего – проникновения в самую суть этой вещи, знание всех ее тайн как создатель, как господин, владыка и царь. Первые читатели Библии прекрасно знали, что означает наречение имени, и это место красноречивее всех слов говорило им о том, что человек – это действительно царь природы.

Итак, именно человек был поставлен Богом владыкой, царем над всем земным тварным миром. И до тех пор, пока человек оставался в послушании своему Создателю, он жил в согласии и взаимопонимании с врученной ему природой. Но люди, впервые реализовав свою свободу против воли Бога, захотев быть равными Ему, добровольно отпали от Него, и вся природа так же лишилась благодати богообщения. Грех и вина царя и владыки заразил всех его невинных подданных. Но почему? Нарушил-то запрет человек, причем же здесь вся природа? Где справедливость?

Почти все церковные авторы, говоря на эту тему, отмечали, что человек – существо уникальное. Из всех живых существ, которым Господь дал жизнь, только человек соединяет в себе две природы – нетварную, Божественную, и сотворенную. С одной стороны, он взят, как говорит Библия, "из праха земного". Но, с другой, Бог "вдунул в лицо его дыхание жизни". Это дыхание называется Духом Святым, неотмирной частичкой человека, которая соединяет его с Творцом. Поэтому Божий замысел о человеке был особый: с помощью этой нетварной частички в себе постепенно идя к Богу, в итоге обожить,

привести к стопам Господа весь тварный мир, всю природу.

Но после того, как человек пошел против Творца, на свете не осталось ни одного сотворенного существа, способного привести этот Божий замысел в исполнение, и природа остается как бы отлученной от Господа. Безвинно. Точнее, по вине человека. Ведь из-за него прозвучали слова Господа, почему-то не страшные для нас, но страшные для всех остальных живых существ: "проклята земля за тебя..." (Бытие, глава 3, стих 7).

Можно ли преодолеть это "проклятие", эту отлученность всей природы от Бога? Две тысячи лет назад к людям пришел Спаситель – Бог, ставший человеком и преодолевший пропасть тысячелетнего отчуждения людей от Бога. А природа, животные? Изменились ли их отношения с Творцом? Да. И об этом однозначно свидетельствую и Новый Завет и история Церкви.

В жизнеописаниях многих святых можно увидеть поразительную связь человека и животного, восстановление той первоначальной гармонии их отношений, которые были до грехопадения: дикие животные – медведи, львы – приходят к отшельникам и едят из их рук! Природа чувствует в таком человеке что-то особенное, отличающее его от других – присущее в Раю первым людям полное устремление к Богу всеми силами своей души...

Именно о таких отношениях человека с животными писал апостол Павел: "Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся тварь совокупно стенает и мучится донныне". (Послание к Римлянам, глава 8, стихи 19-23). Твари (творения – славянск.), врученные нам Богом, с надеждою смотрят на нас, ожидая спасения от зла, причиненного им нашим прародителем и продолжающегося до сих пор. Именно от "сынов Божиих", то есть от всех нас зависит их судьба.

В Библии не сказано ни слова о посмертной судьбе животных. У Клайва Льюиса, есть мысль о том, что душа животного бессмертна в той степени, в какой ее обессмертит своей любовью человек, что "животные обретают бессмертие не сами по себе, а в бессмертии хозяев". Я думаю, это очень верная мысль. Христианство от начала до конца – свидетельство любви. Только она переходит с человеком в вечность. Но если это так, разве может исчезнуть моя любовь к моему любимому питомцу? Ведь и после его смерти я продолжаю его любить. Если душа человека бессмертна, то бессмертна и его любовь к кому бы то ни было!

Именно так и надо понимать слова апостола о надежде твари на освобождение "от рабства тлению". Ведь любовь – это, прежде всего, ответственность. Как царь отвечает за свой народ, так и человек отвечает за животных и всю тварную природу, которые Господь дал

ему во владение. Животные освобождаются от "рабства тлению", только когда человек царствует действительно с любовью и ответственностью. Тогда природа реализуется в иерархии бытия, выполняет свое назначение. А об этом назначении мы уже говорили – служба человеку. Именно в этом смысл существования всего тварного мира.

И последнее. Нужно ли человеку просить прощения у каждого невинно пострадавшего животного? Безусловно, душа у животных живая, но она лишена того "дыхания жизни", которое присуще только человеку. Поэтому зверь не сможет услышать нас, откликнуться, простить... Я бы посоветовал просить прощения у Бога. Ведь если Он дал нам власть над природой и животным миром, то именно к Нему мы и должны нести свои переживания, а иногда даже и слезы, что не можем реализовать эту власть, выполнить свое царское предназначение. А нужно всего лишь позвать Его на помощь. Жаль только, что часто мы этого просто не хотим, нам кажется, что это так трудно – искать Бога. А нужно всего лишь позвать, а искать не нужно, ведь 2000 лет назад Он уже Сам нас нашел...

Подготовила Анна ЕРШОВА

Материал опубликован в 7(30)-м номере "Фомы" 2005 г.

<http://www.fomacenter.ru/index.php?issue=1§ion=3&article=1262>
